

«Мы никогда не хотели быть национализированными»

Глава Uniper Клаус Шефер о недружественном поглощении и судьбе Nord Stream 2

10.10.2017

Фото: Дмитрий Лебедев / Коммерсантъ

Две недели назад было объявлено об одной из крупнейших сделок в европейской энергетике: финский государственный энергоконцерн Fortum подписал соглашение о покупке у немецкой E.ON почти 47% акций Uniper. Сделка может иметь серьезные последствия для России — у обоих концернов в стране крупные активы, кроме того, в результате сменится один из ключевых партнеров «Газпрома» по проекту газопровода Nord Stream 2. Ситуацию осложняет то, что менеджмент немецкой компании выступает категорически против ее продажи. Почему сделка вызвала столь резкую отрицательную реакцию и чем она грозит российским проектам, “Ъ” рассказал CEO Uniper Клаус Шефер.

— Сразу после сообщения финской Fortum о возможности покупки 46,65% акций Uniper вы заявили, что действительных переговоров не ведется. Менеджмент не участвовал в них?

— Ответить просто: Fortum много месяцев вел переговоры с E.ON, не вовлекая в них нас. Отмечу, что они покупают не только долю E.ON, они делают стопроцентный

выкуп. С очень похожим предложением они приходили к нам в июле. В то время они искали поддержки у правления и наблюдательного совета Uniper.

Мы проанализировали предложение и отклонили его все вместе, единогласно. Было две причины. Первая — финансовая, предложение было сделано по слишком низкой цене. Вторая — стратегическая. Дело в том, что для нас это не имело смысла. Они получили от нас решение, но продолжили разговаривать с владельцем наших акций (E.ON. — “Ъ”) и вернулись с публичным предложением. Для нас это означало, что их подход перешел из категории нежелательного в категорию недружественного (поглощения. — “Ъ”). Например, если кто-то с вами заигрывает, флиртует, вы говорите — мне неинтересно, пожалуйста, не трогайте меня, а он опять возвращается. И вы обсуждаете с ним взаимное будущее. Как раз тот случай, когда в навязанном ей браке невеста вынуждена улыбаться у алтаря.

— Почему предложение Fortum не имело смысла для Uniper?

— Смысла не было прежде всего потому, что наша стратегия заключается в глобальном развитии, расширении в мировом масштабе. Fortum — региональная компания, работает в Северной Европе и России. У нас в портфеле эти регионы уже присутствуют, поэтому стратегические партнеры здесь не нужны. Если мы и будем искать партнера, то в Азии или в других регионах. Вторая причина в том, что Fortum хочет выкупить 100% акций Uniper, потратив более €8 млрд, которых у них нет. Именно поэтому мы полагаем, что сделка будет иметь негативные финансовые последствия и для нас в том числе, но пока мы еще не видели само предложение. Fortum обещал выпустить его в ближайшие недели и тогда, конечно, мы его проанализируем и примем решение.

Точно так же мы поступили бы и с другими предложениями, которые могут возникнуть. И давайте будем честными, рынок капитала пока не верит этому предложению. Предложение €22 за акцию, а цена акций сейчас €23,6, то есть выше. И доверие рынка к этой сделке может быть неоднозначным.

— Тем не менее соглашение между E.ON и Fortum подписано. И многие называют сделку одним из крупнейших недружественных поглощений в ЕС за последние годы. Считаете ли вы, что менеджмент Uniper все еще может заблокировать сделку?

— Давайте сперва просто посмотрим на всю картину. В принципе европейский рынок энергетики является одним из самых недружелюбных, и более того, самые недружественные подходы демонстрируют госкомпании.

И как раз за этой сделкой стоит финское государство. Мы гордимся тем, что являемся частной компанией, мы никогда не хотели быть национализированными. Наша российская «Юнипро» также гордится тем, что она была приватизирована, а через эту сделку она снова будет национализирована, но в этот раз уже не Россией, а Финляндией.

Когда возникает вопрос, как нам действовать в этой ситуации, конечно же, я ограничен законодательством Германии, которое абсолютно уважаю. Это значит, что я могу использовать лишь какие-то доводы, а рынок капитала в итоге решит, поверит ли он аргументам Fortum. Или появится кто-то, кто сделает другое предложение.

— Как вы оцениваете возможность получения Fortum контрольного пакета?

— Вся информация, которую мы знаем, поступает через СМИ. По заявлениям Fortum и E.On, они достигли договоренности о 47%. Я не знаю всех подробностей, думаю, что через пару недель после опубликования официального документа о поглощении все станет известно. Когда я его увижу, то смогу дать оценку. А сейчас это были бы только домыслы.

— Чем нынешнее предложение отличается от того, которое Fortum делал в июле?

— Я не думаю, что есть большая разница между тем и этим предложением. Тогда они предлагали €19 за акцию, сейчас €22. В то время они хотели нашего одобрения, а сейчас говорят, что им все равно. Сейчас это не является условием сделки. В этом, наверное, и вся разница.

— Как может повлиять потенциальная сделка между Fortum и E.On на участие Uniper в проекте строительства газопровода Nord Stream 2?

— Если сделка по покупке Fortum 100% акций удастся, тогда, я думаю, правительство Финляндии будет финансировать этот проект через нас.

— Uniper заявляла весной, что компании может потребоваться партнер для финансирования Nord Stream 2. Кто рассматривается в этом качестве, идут ли переговоры?

— Весной мы не говорили о том, что обязательно будем нуждаться в партнере. Мы говорили, что нам — возможно — понадобится партнер. Сейчас нам нужно будет оценить, какое влияние на наше решение могут оказать американские санкции и предложение Fortum.

— Ожидаете ли вы поддержки правительства Германии и государственных финансовых институтов в связи с возможными санкциями США против Nord Stream 2? Если да, то как может выглядеть такая поддержка?

— Я думаю, правительство Германии твердо высказалось против вторичных санкций. В связи с этим оно демонстрирует политическую поддержку и в отношении санкций, и в отношении самого проекта. Но в будущем нужно смотреть, как поменяется ситуация в случае вовлечения в Nord Stream 2 Финляндии. Возможно, тогда надо будет оглядываться на мнение Хельсинки, а не Берлина по этому вопросу.

— Но все же есть некие риски из-за того, что проектом будет руководить другая страна? Или Хельсинки политически нейтральны к Nord Stream 2?

— Опять же это нужно спрашивать у Fortum, а не у меня, но я предполагаю, что перед опубликованием своего предложения они точно поговорят с большинством заинтересованных лиц у себя в стране.

— Как возможная сделка Fortum и E.On скажется на российских активах Uniper?

— Опять же зависит от того, что планирует делать Fortum. В сделке, которую они предложили в июле, идея была в том, чтобы объединить российские активы Fortum и Uniper.

— Изменился ли подход к российским активам после разделения E.ON и перехода «Юнипро» к Uniper?

— Во-первых, «Юнипро» стала гораздо значительней, потому что ее доля в бизнесе Uniper больше, чем была в E.On. Во-вторых, бизнес «Юнипро» — наш основной, я имею в виду традиционную генерацию, которой у E.On уже нет.

— Считаете ли вы, что Uniper получила прогнозируемый результат от участия в реформе РАО «ЕЭС России» и покупки ОГК-4 (сейчас «Юнипро»)? Ведь рынок в момент сделки был недореформирован, и риски участия для инвесторов были достаточно высоки.

— Идеальных рынков в принципе не существует. У каждого есть падения и взлеты, на них оказывает давление международная политика, цены на нефть и прочее. Россия, как я сказал ранее на конференции, внедрила модель рынка с ДПМ (договоры на поставку мощности, гарантирующие возврат инвестиций в новую генерацию, в финальном виде подписаны генкомпаниями только в 2010 году. — “Ъ”), КОМ, систему диспетчеризации, самую сбалансированную и умную модель рынка, которую я знаю на глобальном уровне. И эта модель стабильно удерживается российским правительством. Стабильность и предсказуемость

являются ключевыми факторами при принятии инвестиционных решений. В то время мы сделали хорошие инвестиции. И готовы инвестировать сегодня.

— Как вы сейчас оцениваете ситуацию на российском энергорынке?

— Это честный рынок, это важно. Любой энергетический рынок должен балансировать между интересами потребителей и поставщиков. В противном случае он долго не прослужит. И эта честность создает долгосрочную стабильность, что для меня очень важно.

— Какой вы видите дальнейшую стратегию развития Uniper в России?

— Прежде всего, необходимо закончить ремонт третьего энергоблока на Березовской ГРЭС (800 МВт, был сильно поврежден при пожаре в феврале 2016 года, всего через четыре месяца после ввода. — “Ъ”). И затем, конечно, мы рассмотрим варианты модернизации наших старых блоков в России.

— Почему все же было принято решение ремонтировать блок на Березовской ГРЭС? Сколько средств на это потребуется и как велики убытки от простоя?

— Прежде всего, если вы строите электростанцию, то должны соблюсти те обязательства, которые исходно взяли, и стать надежным поставщиком энергии на многие годы. Поэтому мы внимательно посмотрели на ситуацию с экономической точки зрения и решили, что для компании имеет смысл сделать то, что она и должна была сделать, а именно отремонтировать третий блок Березовской ГРЭС. На дальнейшее восстановление энергоблока будет потрачено около 28 млрд рублей. И до завершения ремонта блока компания не будет получать плату за мощность по ДПМ.

— Разве «Юнипро» грозили штрафы, если бы компания не стала достраивать блок?

— Давайте будем честными. Потребители сейчас выигрывают от того, что на протяжении ряда лет не должны платить за мощность по ДПМ (на поврежденный блок. — “Ъ”). К тому же мы платим сотни миллионов за ремонт этого блока. И эти деньги идут российским поставщикам. Мы страдаем от этой аварии, потребители — выигрывают, российская экономика и российская промышленность — выигрывают. Помимо нас страдают только крупные страховые компании. Поэтому мы приняли решение завершить ремонт блока в третьем квартале 2019 года.

— Но потребители все-таки заплатили «Юнипро» около 1 млрд руб. за девять месяцев простоя энергоблока...

— Деньги, которые заплатили нам потребители, были получены в строгом соответствии с правилами рынка, условиями ДПМ. И подчеркну, мы тоже несем

убытки, потому что уже не сможем получить полную плату за этот энергоблок за весь период ДПМ. Мы потеряем те годы, в течение которых он не работает. Эти годы к нам не вернуться.

— То есть вы не будете предлагать продлить срок ДПМ?

— Нет. Как я уже сказал, все по закону, и мы соблюдаем те ДПМ, которые существуют. Именно поэтому мы оставляем все как есть.

— «Юнипро» часто критикуют за то, что все дивиденды уходят из России немецкому акционеру, а не вкладываются в развитие компании. С чем это связано?

— Uniper и ранее E.ON очень много вкладывали в российский рынок. И естественно, что эти инвестиции возвращаются акционерам в виде дивидендов. Я думаю, это абсолютно нормально, как для Uniper и «Юнипро», так и для других компаний в России.

— Не планируется менять дивидендную политику, например, платить промежуточные дивиденды в этом году?

— Все, что касается дивидендной политики «Юнипро», исходит от ее менеджмента. И дивиденды выплачиваются всем, не только Uniper, но также и многим тысячам акционеров в России. Про промежуточные дивиденды лучше спросите менеджмент «Юнипро», потому что я как Uniper не плачу дивиденды, а, наоборот, получаю их. (После проведения интервью стало известно, что акционеры «Юнипро» рассмотрят вопрос о выплате дивидендов за девять месяцев 2017 года на внеочередном собрании 7 декабря. — “Ъ”)

— Сейчас энергокомпании в РФ активно лоббируют введение нового механизма — аналога ДПМ, но для модернизации старых мощностей. Вам эта идея интересна?

— Российская электроэнергетика нуждается в модернизации. Это также касается и наших генерирующих активов, поэтому если правительство сделает предложение по модернизации, мы, конечно же, его рассмотрим и потом решим, что можем сделать.

— Как вы оцениваете потребность в модернизации станций «Юнипро» и сколько это может стоить?

— Слишком рано говорить об этом. У нас есть несколько новых станций, построенных по ДПМ. У нас также есть и старые станции, и затраты будут зависеть

от того, что нужно сделать, какова будет техническая концепция модернизации. То есть сперва, думаю, надо подождать предложения от правительства РФ.

— Собирается ли Uniper еще куда-то вкладывать в России? Другие иностранные инвесторы активно вкладываются в развитие зеленой генерации, интересно ли вам это?

— В этом направлении у нас пока нет планов. Подчеркиваю, пока нет.

— Что может поменять планы?

— Как я сказал ранее, все внимание сейчас сосредоточено на Березовской ГРЭС. Это большие инвестиции в ремонт, и, очевидно, когда цель будет достигнута, мы сможем смотреть дальше в будущее.

Интервью взяла Татьяна Дятел